

CHRONICA

К 70-летию академика Ференца Паппа

Исключительно богатая и разнообразная научная деятельность профессора Ференца Паппа оценивается чаще всего лингвистами. Однако это может сделать и исследователь литературы и культуры, потому что юбиляр как многосторонний ученый интересовался разными областями интеллектуальной жизни. Его мысли о вопросах этих областей оплодотворяли окружающих его людей, главным образом молодых, независимо от того, занимались ли они языкознанием, общей или прикладной лингвистикой, семантикой, теорией или историей литературы или другими отраслями культуры, а также независимо от того, интересовались ли они русским и венгерским языком и культурными сокровищами, которые проявляются и выражаются в этих языках. Ференц Папп всегда сильно влиял на других, побуждал их действовать, даже если им не хотелось продвигаться вперед в указанном направлении или темпе.

О 70-летнем академике должен писать преподаватель-славист бывшего университета им. Лайоша Кошута, сегодняшнего Дебреценского университета, потому что начиная с 1955 г. в течении 30 лет Ференц Папп работал в этом учебном заведении и в 1995 г. стал его доктором *honoris causa*. Несколько лет спустя после своей учебы в Брюсселе и в Будапеште он приехал в город Дебрецен как высокообразованный лингвист, который знал русский язык как родной и также свободно владел несколькими западными языками.

Молодой преподаватель дебrecенской русистики, существующей с 1949 г., проявил научный интерес к системе современного русского языка — на базе того, что именно исследовали и каких результатов достигли советские языковеды его времени и в духе каких лингвистических направлений они действовали. Уже в 1956 г. он защитил кандидатскую диссертацию (*Русские атрибутивные конструкции*). Начиная с 1964 г. он был редактором дебrecенского ежегодника Института славянской филологии *Slavica* и периодического издания *Computational Linguistics*, а позже будапештских научных журналов *Studia Slavica* и *Magyar Nyelv*. В 1970 г. стал заведующим Кафедрой русского и славянских языков Университета им. Л. Кошута, а три года спустя он приобрел степень доктора наук на основе работы о парадигматической системе венгерских имен существительных, изданной в 1975 г. В то же время он был назначен профессором и был инициатором конференций по русистике, создавая этим традицию ежегодных научных встреч славистов в Дебрецене, которые, после его ухода, остались значительным консультативным форумом венгерских и иностранных исследователей. Ференц Папп в 1976 г. был избран членом-корреспондентом Венгерской академии наук. В следующем году он покинул Дебреценский университет и начал работать на кафедре общей и прикладной лингвистики Будапештского университета, потом в Институте языкознания ВАН. В 1985 г. он был избран действительным членом ВАН, а в 1989 г. стал членом ее Комитета по языкознанию.

Ференц Папп вместе с другими авторами уже в 1958 г. написал для студентов книгу о современном русском языке, а через десять лет первый в Венгрии университетский учебник *Курс современного русского языка*, который был переиздан еще четыре раза. Для каждого, кто пользовался этой книгой, поучительным новшеством был син-

тактический анализ по непосредственным составляющим, учение о ядерных предложениях и употребление трансформативной модели. Дебреценский ученый выпустил книгу о математической лингвистике и о машинном переводе в Советском Союзе (1964), а в Голландии была издана его работа *Mathematical Linguistics in the Soviet Union* (1966). Круг научных интересов Ференца Паппа расширился от формального описания русского языка к машинному переводу. Это означало, что он больше всего занимался машинным описанием и исследованием эквивалентности двух языков (венгерского и русского), языка-источника и языка-цели. В результате этого был составлен обратный словарь венгерского языка (*A magyar nyelv szóvégműtató szótára*, 1969). Ференц Папп опубликовал статистику фонем произведений одного из крупнейших венгерских поэтов XX в. (*Ady Endre összes költői műveinek fonémastatisztikája*, 1974) и научно-популярную книгу о русском языке (*Könyv az orosz nyelvről*, 1976), которая возбуждает интерес к этому языку и к русской культуре. Также вышла из печати его работа о прикладной лингвистике (*Alkalmazott nyelvtudomány*, 1989).

Академик Ференц Папп вдохновил ряд своих студентов и сотрудников в Дебрецене и Ниредьхазе (где в педагогическом институте организовал кафедру русского языка и литературы) для проведения компьютерных исследований по языкознанию. Он укоренил также новое направление исследований по методике: поручил русистам решение практических и теоретических проблем преподавания русского и других языков при помощи вычислительных машин. В наше время его ученики — не только русисты — работают в разных университетах и в вузах Венгрии. Доказательством этого и живого сотрудничества с иностранными учеными было издание в Дебрецене сборника статей по поводу 60-летия со дня рождения (*Könyv Papp Ferencnek*, 1992) и подобный этому сборник (*Papp Ferenc akadémikus 70. születésnapjára*), который издается сейчас по случаю его 70-летия.

Академик Ференц Папп в конце 60-х или в первой половине 70-х годов XX в. получил письмо от одного из своих многочисленных зарубежных партнеров, где вместо точного адреса были указаны лишь имя и фамилия, а также следующее: *Debreceen, Soviet Blok*. Почта и так нашла адресата. «Советский блок» уже давно не существует, в Венгрии — к сожалению — относительно мало людей учится русскому языку и исследует этот язык и литературу, но деятельность Ференца Паппа не потеряла свою ценность.

Иштван Д. Мольнар

К 70-летию Йожефа Крекича

Мне выпала честь написать поздравления по поводу семидесятилетия со дня рождения выдающегося лингвиста-русиста, знатока семантики и прагматики грамматических категорий русского глагола Йожефа Крекича. Я рад, что знаком с ним не только по его публикациям, но и лично. Мы вели восторженные коллегиальные разговоры в связи со статьей, написанной им и отредактированной мною для сборника *Dissertationes Slavicae: Sectio Linguistica*¹, или с мнением, высказанным им в качестве оппонента моей кандидатской диссертации. Заслушанные же вместе лекции в лингвистическом кружке сегедского филиала Венгерской академии наук регулярно представляли возможность дискутировать о той или иной проблеме языкознания во время ожидания автобуса, отвозившего его домой в г. Ходмезёваршархей.

Поскольку Эдит Саламин отметила 65-летие нашего юбиляра и оценила его карьеру (см.: *Studia Slavica* 40: 415–417), я останавлюсь только на важнейших событиях, происшедших в жизни Йожефа Крекича в последних пяти лет. Их также много. Уход на пенсию как профессор с должности заведующего кафедрой русского языка и литера-

¹ Крекич Й. Перформативные высказывания просьбы: *Dissertationes Slavicae: Sectio Linguistica* 22 (Szeged 1991) 51–73.

туры Педагогического института им. Дьюлы Юхаса, к счастью, не прервал плодотворную научную деятельность нашего юбиляра.

В 1996 г. он защитил свою диссертацию на звание доктора филологических наук, которая была опубликована еще на три года раньше². Эта книга является его второй монографией, а в 1997 г. вышла в свет третья монография³.

Эта функционально ориентированная педагогическая грамматика нацелена на самые важные вопросы содержательной стороны глагола — центра предложения, потому что — как можно констатировать вместе с автором (с. 5) — без семантического и прагматического языкового материала невозможно успешно преподавать иностранные языки. При изучении русских глаголов он исходил (с. 7) из двух универсальных логико-дедуктивных оппозиций, а именно: 1) из оппозиции общего (инвариантного) и частного и 2) из оппозиции центра (прототипа) и периферии. Определив инвариантное видовое значение глаголов как СВ, так и НСВ (с. 15), первые из которых в семантическом плане являются маркированными, положительными членами, а вторые можно обозначать знаками +/- (с. 38), он рассмотрел частные видовые значения в связи с различными темпоральными значениями форм прошедшего, настоящего и будущего времени. Однако, употребление вида тесно переплетается не только с категорией времени, но и со способами глагольного действия. В своей монографии ученый также посвятил им отдельную главу, сосредоточивая внимание на прототипических значениях. Тем не менее автор первостепенным — с семантической и прагматической точек зрения — считает (с. 6) исследование инфинитива, форм сослагательного и повелительного наклонений.

В педагогической грамматике целесообразно применение методического принципа контрастивности. К сожалению, из-за недостатка места автор мог пользоваться им лишь в двух главах. В главе «Аспектуальность в русском и венгерском языках» наш юбиляр придерживается такого понимания функционально-семантической категории аспектуальности, согласно которому она, помимо морфологических признаков, выражается также синтаксическими средствами. В русском языке преобладают морфологические средства (префиксы, суффиксы при образовании видовых пар), а в венгерском — синтаксические (напр., перемещение приставки), причем в этом языке аспектуальные значения могут проявляться и лексически. В другой же главе, имеющей контрастный характер, внимание автора сосредоточено на одной из важнейших проблем употребления видов — на употреблении форм прошедшего времени, где «почти все трудные случаи функционирования видов русского языка сконцентрированы в одном месте» (с. 5).

Монография Йожефа Крекича отличается еще тем, что при устремленности к изучению самых релевантных вопросов педагогической грамматики русского глагола, она «ведет читателя в мир оживленных научных споров и разнообразных теоретических позиций» (с. 185)⁴.

Кроме представленной выше вкратце книги, было опубликовано или находится в печати более двадцати статей Йожефа Крекича⁵. Их большинство занимается семантикой и прагматикой глагола и высказывания на материале русского языка. Однако среди них встречаются статьи, использующие данные других языков. Библиографическая единица № 4 анализирует перформативные употребления венгерских глаголов *kér* 'просить', *megkér* 'попросить' и *felkér* 'просить/попросить', а № 23 — библейские перформативы предписания в сербскохорватском языке.

Помимо написания целого ряда высококачественных научных трудов, Йожеф Крекич активно участвует и в лингвистической общественной жизни. С 1993 г. по 1999 г. он был председателем комитета по языкознанию сегедского филиала ВАН. К тому же,

² Крекич Й. Побудительные перформативные высказывания. Szeged 1993.

³ Крекич Й. Педагогическая грамматика русского глагола: семантика и прагматика. Szeged 1997.

⁴ Более тщательный анализ монографии находится в рецензии А. А. Виноградова: Вопросы языкознания 2000/2, 151–155.

⁵ См. ниже библиографию его научных статей за 1996–2000 гг.

несмотря на то, что он ушел на пенсию из пединститута, он продолжает эффективную преподавательскую работу в Сегедском университете как активный член коллектива программы подготовки докторантов (PhD) и докторских диссертаций «Русская описательная лингвистика», дополняющей основную программу «Теоретическая лингвистика».

К пожеланиям нашему юбиляру счастья, крепкого здоровья и реализации творческих планов наверняка присоединятся коллеги и друзья не только в Венгрии, но и за ее границами.

Карой Бибок

Список научных статей Йозефа Крекича (1996–2000 гг.)⁶

1. Употребление эксплицитных перформативов *просить* и *непросить*: Russistik 1996, 61–71.
2. Аспектология текста: Теория и практика преподавания славянских языков. Тезисы докладов. Международная конференция. Pécs: Janus Pannonius Tudományegyetem, 1996, 46.
3. Взаимодействие емантики видов глагола и текста: Slavia Quinqueecclesiensia II, 1996, 109–117.
4. A «kér», «megkér» és «felkér» igék performatív használatáról: Absztrakció és valóság. Békési Imre köszöntése. Szeged: JGyTF [= Juhász Gyula Tanárképző Főiskola], 1996, 199–206.
5. A bibliai preskriptív performatívumok kérdéséhez: Hipotézisek és realitások a lingvisztikában. Előadások Deme László tiszteletére 75. születésnapja alkalmából. Szeged 1996, 67–74.
6. On the problem of prescriptive performatives in the Bible: Типология вида: проблемы, поиски, решения. Тезисы. Москва 1997, 41–42.
7. К вопросу о частных видовых значениях в актуальном настоящем: Studia Slavica 42 (1997) 347–356.
8. К проблеме перформативов предписания в Библии: Типология вида: проблемы, поиски, решения. Москва: Языки русской культуры, 1998, 241–248.
9. Семантика и прагматика условно-гипотетических предложений: Современный русский язык: функционирование и проблемы преподавания. Тезисы докладов. Будапешт 1998, 31–32.
10. Семантика и прагматика условно-гипотетических предложений: Вестник Филиала института русского языка им. Пушкина 10 (1998) 49–55.
11. Контрастивный анализ видовых форм прошедшего времени в венгерском и русском языках: Сборник статей по русистике I. Сегед 1998, 49–72.
12. К вопросу о частных видовых значениях в актуальном настоящем II: Studia Slavica 43 (1998) 51–60.
13. Семантика и прагматика форм сослагательного наклонения: Nyelv, stílus, irodalom. Köszöntő könyv Péter Mihály 70. születésnapjára. Szerk. [Ред.] Zoltán András. Budapest 1998, 322–330.
14. Императивные высказывания со значением совета: Современный русский язык: функционирование и проблемы преподавания. Тезисы докладов. Будапешт 1999, 31–33.
15. Императивные высказывания со значением совета: Вестник Филиала института русского языка им. А. С. Пушкина 12 (1999) 41–46.
16. Императивные высказывания со значением предостережения: Сборник статей по русистике II. Сегед 1999, 50–10.

⁶ Большинство его публикаций до 1996 г. перечисляется под заглавием «Лингвистические труды автора по теме русского и венгерского глагола» в вышеупомянутой третьей монографии (с. 205–210). — Выражаю благодарность нынешнему заведующему кафедрой русского языка и литературы Педагогического факультета им. Дьюлы Юхаса сегедского университета доценту Золтану Дьерке за помощь, оказанную мне в составлении данной библиографии.

17. Видовые значения актуального настоящего: Труды по русской и славянской филологии. Прагматический аспект исследования языка. Tartu 1999, 108–118.
18. Отношения пересечения сатуративных глаголов: *Studia Russica* 17 (Budapest 1999) 178–181.
19. Семантика и прагматика перформативных глаголов: *Studia Slavica* 44 (1999) 191–202.
20. Оптативные инфинитивные высказывания: Papp Ferenc akadémikus 70. születésnapjára. Barátok, pálytársak, tanítványok tanulmányai, visszaemlékezései. Debrecen 2000 (в печати).
21. К «вечному вопросу» об инварианте совершенного вида: А. V. Bondarko köszöntése 70. születésnapján. Санкт-Петербург 2000 (в печати).
22. Инхотативы совершенного вида: *Studia Russica* 18 (Budapest 2000; в печати).
23. Библийские перформативы предписания в сербскохорватском языке: *Studia Slavica* 45 (2000; в печати).

Взгляд на Эрну Палл из России

Обычно я составляю впечатление о новом человеке с его первых слов. С Эрной Палл всё было еще проще — даже и слов не понадобилось. Это был классический случай любви с первого взгляда. Я познакомился с ней в 1969 г. Однажды летом в Сектор структурной лингвистики Института русского языка Академии наук, где я тогда работал, пришла молодая женщина с удивительно живыми серыми глазами и такой доброй и располагающей улыбкой, что до всяких слов стало ясно: чистое золото. Она под села к моему столу, и здесь меня ожидало второе потрясение: она заговорила на изумительном, без тени акцента, чистом и одновременно ярком русском языке, с очаровательной растяжкой и характерным для интеллигентной речи гармоничным совмещением высокого и низкого стилей. В первые секунды я даже оробел, но это быстро прошло. Не знаю, обидит ли юбиляра такая оценка или нет, но Эрна — человек анти-светский. В ее речи не было и намека на подтекст, нарочитую недосказанность, словесную игру, третьи и десятые смыслы, ритуальное лицемерие, которые для меня превращают любую светскую беседу в пытку. С первых же минут разговора я ощутил ее естественность, человечность, искренность, заинтересованность и поэтому сам почувствовал себя просто и естественно. Возникло ощущение полного понимания и родства душ, какое бывает с очень давними друзьями. Мне кажется, что сразу и незаметно для себя мы перешли на «ты». Во всяком случае, я не помню в наших отношениях никакого «вы»-периода.

Дело же у нее оказалось вот какое. Она преподает русский язык в Будапештском университете и давно испытывает потребность в особом учебном словаре управления и сочетаемости. А ее друг Ференц Папп (с которым и я подружился за несколько лет до встречи с Эрной) сказал ей, что я как раз тот человек, который может сделать такой словарь, потому что недавно написал целую книгу на эту тему. Имелось в виду «Экспериментальное исследование семантики русского глагола».

С тех пор началось мое многолетнее сотрудничество с Эрной Палл и наша дружба, за которыми последовали знакомство с ее семьей, друзьями, домом, садом, собаками, кошками и другими объектами, на которые распространялась неистовая и деятельная любовь Эрны. Это знакомство с годами разрасталось, постепенно захватывая мою жену Марину и наших детей. В 1983 г. ее отношения с детьми были повышены до статуса родственных: Эрна стала называть их племянниками, а они ее тетей, но думаю, что на самом деле степень родства была еще ближе. Затем в этот круг были втянуты мои московские друзья, хорошие знакомые и коллеги. Все они очень скоро начинали числить Эрну среди своих друзей, так что временами я испытывал и испытываю уколы ревности, хоть и понимаю, что Эрна — всенародное достояние.

В 1969 г. мы договорились, что будем вместе составлять русско-венгерский словарь глагольного управления и сочетаемости, в котором я буду делать «левую», русскую часть, а Эрна, в совершенстве владевшая обоими языками, — венгерскую. На ее

долю, таким образом, выпала огромная часть содержательной работы. Решением чисто технических вопросов, связанных с необычным жанром нашего словаря (одновременно и двуязычного, и сопоставительного), также пришлось заниматься Эрне. Наконец, постоянно возникали административные проблемы — неизбежный спутник всякой лексикографической работы, требующей долговременного и предельно четкого взаимодействия авторов и издательства. Их она тоже целиком взяла на себя.

Я к тому времени уже имел некоторое представление об Эрне как о первоклассном работнике — в Москве был хорошо известен великолепный, до сих пор не превзойденный учебник русского языка К. Болла, Э. Палл и Ф. Паппа (Будапешт, 1968). Но то, что я увидел в ходе наших совместных занятий словарем, намного превзошло мои ожидания. Эрна демонстрировала какую-то яростную, азартную работоспособность, а когда я спрашивал, как она всё успевает, скромно объясняла: «Я двуязычная». Это, конечно, understatement. Как я имел возможность убедиться, объем ее ресурсов не поддается исчислению — в ней открывается ровно столько новых источников энергии, сколько нужно, чтобы работа, за которую она взялась, была выполнена в срок. Надо сказать, что эта вулканическая энергия необычным образом сочетается у Эрны с предельной добросовестностью, тщательностью, въедливостью, придирчивостью, т.е. свойствами, которые в лексикографической работе незаменимы. Позднее эти замечательные свойства, помноженные на безупречное владение русским языком во всем его многообразии (имеющий уши да слышит!), позволили Эрне с таким же блеском заниматься художественным переводом, как до этого она занималась учебной лексикографией. Однако вернусь к нашему словарю.

Сначала из Венгрии в Институт русского языка довольно часто приезжали ее студенты, и словарные карточки можно было передавать в Будапешт с ними. Но вскоре советская власть перекрыла этот канал научного общения и обмена: за подписанные в середине и конце 60-х годов письма протеста против политических процессов тех лет я в 1972 г. был уволен из Института русского языка и оказался далеко за периферией академической жизни, а визиты Эрниных студентов стали менее регулярными. О том, чтобы отправлять словарные материалы в Будапешт обычной почтой, нечего было и думать. Советская власть поставила на этом пути надежный цензурный заслон. И здесь развернулись другие Эрнины таланты и возможности.

Все, я думаю, знают, что Эрна — классический случай бесребреника, о ее патологическом бескорыстии ходят легенды. Именно этим, а также ее патологической скромностью я могу объяснить то, что Эрна — лингвист экстракласса — так и не поддалась ничьим уговорам (включая и мои мольбы) защитить диссертацию хотя бы для того, чтобы поправить свое материальное положение.

Мне встречались и другие бесребреники. Чаще всего это были кроткие небожители, плохо представляющие земные проблемы и способы их решения. Но у Эрны кристалльное бесребреничество сочетается со стратегическим мышлением и твердой практической хваткой. В 1972 г. надо было организовать канал бесперебойной переправки материалов из Москвы в Будапешт, способный функционировать долгое время (работа над словарем растянулась почти на 12 лет). Эрна сделала эта с ловкостью, которой могли бы позавидовать профессиональные контрабандисты.

Надо сказать, что количество Эрниных выпускников к этому времени заведомо перевалило за сотню, причем многие из них были люди способные и занимали видные места в государственной иерархии (в Венгрии, в отличие от СССР, к власти допускались не только посредственности). Все они Эрну страстно любили и ради нее готовы были совершать дерзкие поступки, на которые для другого человека, может быть, и не пошли бы, потому что рисковали карьерой.

Один ее выпускник был Первым секретарем Венгерского посольства в Москве. Ему-то Эрна и поручила деликатное дело переправки словарных материалов в Будапешт. С периодичностью приблизительно три-четыре раза в год я доставлял готовые части словаря этому замечательному человеку (к сожалению, я забыл его имя), и он присоединял их к дипломатической почте, не подлежащей никакой проверке. Как мно-

гие другие люди, находившиеся в силовом поле Эрны, он был дружелюбен и сердечен, расспрашивал меня о моих делах и приобщал к культуре венгерского кофе (должен сказать, что я так и не научился одолевать больше одной чашечки этого крепчайшего напитка). К концу 70-х годов вся русская часть словаря оказалась в Венгрии, и он неостановимо двинулся к публикации.

В 1977 г. по приглашению Ференца Паппа я первый раз поехал в Венгрию. Приглашение было частное, но с венгерской стороны меня принимали как почетного гостя. Сначала я был в Дебрецене у Ференца, а затем поехал в Будапешт. Прямо с вокзала, где меня встречали Эрна и ее сын Андрейка, я был доставлен в известный многим москвичам дом на горе и впервые погружен в неповторимо теплую атмосферу Эрниной семьи. Здесь для меня была разработана большая культурная программа, к реализации которой Эрна привлекла и свою ближайшую подругу Эмеше Сэпеш. Упомяну два эпизода, наиболее мне запомнившихся.

Первым делом они повезли меня в Сент-Эндре в музей Маргариты Ковач. Я долго рассматривал ее трогательные, бесхитростные и одновременно очень тонко сделанные фигурки. Они создавали такой сильный образ душевной чистоты и человеческой доброты, что даже у отпетого циника не могло бы возникнуть желания иронизировать над этим искусством. Рискну сказать, что я понимаю, почему они так нравятся Эрне: они на нее похожи.

Потом была поездка на Балатон, с некоторыми приключениями. Когда мы пришли в гостиницу, где намеревались переночевать, оказалось, что я забыл в Будапеште свой паспорт. Ночная дежурная удивленно подняла брови. Я мимоходом отметил про себя, что в Москве ее коллега не ограничилась бы мимикой, а немедленно сдала бы меня в милицию. Мало того, что меня можно было заподозрить в шпионаже, — у нашего человека безусловно вызвала бы сомнения и моральная сторона дела: мужчина прибыл в отель на ночь, без паспорта, но с двумя женщинами. Однако на венгерской почве, то ли в силу ее более удачного географического расположения (на столько-то градусов западнее), то ли благодаря честному лицу Эрны и ее логическим и гипнотическим способностям, назревавший конфликт был погашен в зародыше, и номер беспаспортному иностранцу был предоставлен.

В 1982 г. наш словарь вышел из печати и был отмечен премией как лучшая книга года по издательству «Танкёньвкиадо». Это событие надо было как-то отметить. Эрна решила, что праздник следует устроить в Венгрии, и пригласила на осень 1983 г. всю нашу семью. Однако одного этого ей показалось мало. Она знала, что прошло уже шесть лет с тех пор, как наши друзья Лида Иорданская и Игорь Мельчук эмигрировали в Канаду, и понимала, что мы мечтаем о встрече. В 1980 г. мы уже пытались встретиться с Игорем в Париже, для чего французский знакомый Игоря выслал мне частное приглашение. Я, естественно, получил отказ, который гебист из ОВИРа мотивировал (дословно) следующим образом: «Ваша поездка нецелесообразна по соображениям государственной целесообразности». Эрна об этом знала и понимала, что с такой же неизбежностью, с какой меня не пустили во Францию, Игоря не пустят в Венгрию. Поэтому она разумно решила довольствоваться меньшим и пригласила к себе только Лиду.

Этот план Эрне удалось осуществить почти целиком. Я, правда, снова получил отказ, с формулировкой «Вам ведь и раньше отказывали», но Марина с детьми разрешение получили, и Лида в Венгрию тоже приехала. Эрна в очередной раз выиграла схватку с советской властью.

Мне кажется, что у наших детей было интересное детство, но венгерскую поездку они всегда вспоминают с особым удовольствием — как кусочек совершенно безоблачного счастья. Они, конечно, Эрну совершенно заездили, но Эрна все их бесчисленные и непомерные просьбы выполняла с такой благородной готовностью и с таким искренним удовольствием, что даже Марине не удалось обуздать эту разгулявшуюся компанию. Именно с этого времени наши дети и породнились с Эрной указанным выше образом.

В доперестроечные времена Эрна довольно часто приезжала со своими студентами на практику в Москву и, естественно, часто бывала у нас. Если дело происходило летом, мы звали ее на дачу. Дачей называлось очередное небольшое помещение, которое мы снимали на лето в подмосковном поселке Салтыковка. Помещение обычно было непримечательное, но Эрна этого искренне не замечала, а зато с детской непосредственностью предавалась всем доступным радостям дачной жизни — еде на открытом воздухе, прогулкам по лесу и купанью в салтыковских прудах.

С 1986 г. поездки в обе стороны стали беспрепятственными, а встречи — более частыми. Одна из самых радостных произошла в Граце в 1999 г. Меня пригласили на летний семестр в качестве *visiting professor* в Институт славистики Грацкого университета, и в какой-то момент мы собрались там почти всей нашей разросшейся семьей: к нам с Мариной приехал сын Митя (любимый «племянничек» Эрны) и дочь Люша с двумя своими девочками. Мы стали настойчиво звать и Эрну на эту семейную встречу. Сначала никакие средства убеждения и даже давления не оказывали на Эрну действия: сама воплощенное гостеприимство, она боялась нас стеснить, отвлечь от дел или как-то иначе помешать нашей жизни. Постепенно, однако, она смягчилась и в конце концов к нам в Грац на один день приехала. Я знаю, что ей эта встреча доставила радость.

Каждый человек, испытывающий интерес к миру, в какой-то момент своей жизни выбирает в дополнение к своей исконной культуре и какую-то чужую культуру, которая становится частью его внутреннего мира. Этот выбор почти никогда не бывает случаен. Эрна — венгерка до мозга костей, но выбор русского языка и культуры как духовной ценности, которая стала частью ее внутреннего мира, ее сокровенного «я», для нее был не просто закономерен, а предрешен. Он был продиктован в одинаковой мере как ее страстной любовью к этим предметам, так и глубинной близостью личности Эрны к русскому национальному характеру. Я имею в виду такие ее черты, как удаль, размах, веселый нрав, крайности, совестьливость, щедрость, жалостливость, доброта.

Эрна — удивительно цельный человек. Мне кажется, что корень этого свойства — врожденная, природная верность детскому взгляду на мир. Ребенок всегда целен. У него жадный интерес к жизни, он понимает добро и не понимает зла. Сердце ребенка еще не заросло шерстью. Поэтому он не может привыкнуть к будничности предательства, подлости и жестокости и каждую новую их демонстрацию воспринимает с бесконечным изумлением и полной неспособностью поверить в то, что такое возможно. Он подобен хорошему врачу, который не может привыкнуть к виду человеческих страданий и каждую новую трагедию переживает как личное горе. Эрне удалось сохранить мудрый детский взгляд на мир и детскую реакцию на добро и зло.

Ю. Д. Апресян

Международная конференция «Hungaro-Baltoslavica 2000»

Конференция с таким названием была проведена 5–7 апреля 2000 г. Кафедрой восточнославянской и балтийской филологии Будапештского университета.

Мысль о встрече ученых, занимающихся исследованием истории, культуры, языков народов бывшего Великого княжества Литовского возникла 2 года назад, когда и была организована первая конференция с подобной тематикой⁷.

⁷ Ср.: *Аранка Лацхази*, Языковое наследие Великого княжества Литовского: *Studia Slavica Hung.* 43 (Budapest 1998). Тезисы докладов см.: *A Litván Nagyfejedelemség és a mai Közép- és Kelet-Európa nyelvei: analógiák és folytonosság*. Az 1998. május 25–26-i konferencia anyaga. *Языки в Великом княжестве Литовском и в странах современной Центральной и Восточной Европы: аналогии и преемственность*. Материалы конференции 25–26 мая 1998 г. Редакторы: А. Лацхази, Э. Смолинка, А. Золтан. Budapest: ELTE 1998; Часть докладов опубликована в журнале *Studia Russica* 17 (Budapest 1999) 11–167.

В работе настоящей конференции кроме будапештских славистов приняли участие свыше 60 исследователей, приехавших из Австрии, Белоруссии, Германии, Италии, Латвии, Литвы, Польши, России, США, Швейцарии, Швеции, Украины, Эстонии, Югославии, а также из разных городов Венгрии.

Имея в виду большое число участников, организаторы решили провести конференцию в нескольких тематических секциях. Таким образом, первая часть конференции — получившая отдельное название «*Grammatical systems and areal typology in focus — the case of Baltic Languages*», — была посвящена вопросам описания грамматической системы двух живых балтийских языков в синхронном аспекте. Большой интерес зарубежных и венгерских исследователей к этой части конференции тем более отраден, что это было первое мероприятие такого рода зарождающейся венгерской баллистики. Выступления и содержательная дискуссия по докладам свидетельствовали о том, что применение методов ареальной лингвистики и языковой типологии к литовскому и латышскому языкам может осветить ряд явлений, которые при изолированном исследовании нередко остаются вне внимания. В центре внимания исследователей на этот раз стояли вопросы функционирования различных грамматических категорий с точки зрения описания одного языка, а также теоретические вопросы определения грамматических категорий, в частности и для создания единой основы сопоставления грамматических систем разных языков. Хочется отметить доклады *Баибы Метузале-Кангере* (Стокгольм) о теоретической возможности определения семантики отдельных падежей, *Р. Рошко* (Варшава) о проекте конформативной грамматики литовского языка, *А. В. Андропова* (Санкт-Петербург) о сопоставительном описании склонения литовского и латышского языков, *А. П. Непокупного* (Киев) об одной особой форме утвердительного ответа в балтийских, славянских и финно-угорских языках, *Милям Фрид* (Беркли) о функциях дательного падежа в балтийских языках, *Бируте Клас* (Тарту) об употреблении именительного падежа для обозначения подлежащего в языках балтийского ареала, *Ю. В. Откупщикова* (Санкт-Петербург) о балто-славянских глаголах с *-ē*- основой, *Г. Мухелини* (Парма) о грамматических отклонениях от немецкого оригинала в *Gesmes Chriksczoniškias* (1566–1570) М. Мажвидаса, *Р. Петкявичюса* (Вильнюс–Рига) о склонении имен существительных *-i*-основы в латышском переводе Нового завета (1685), *Б. Велхли* (Стокгольм) о диалектах латышского языка с точки зрения определенных ареальных явлений, *Аллы Лихачевой* (Вильнюс) о падежных парадигмах русского и литовского языков, *Б. Вимера* (Констанц) о перфектных формах глагола в современном литовском языке, *Лиены Муизнице* (Турку) о сходстве функций перфектных форм в латышском и эстонском языках и *Никол Нау* (Кил) о функционировании латышских местоимений *vīpš, tas* и *šis*.

Во второй части конференции — «*Языки в Великом княжестве Литовском и странах современной Центральной и Восточной Европы: Миграция слов, выражений и идей*» — прозвучали доклады, выходящие за пределы чисто лингвистического описания языкового материала памятников, относящихся к эпохе ВкЛ.

Широкая тематика этой части была хорошо представлена уже в 8 докладах, прозвучавших на первом, пленарном заседании.

А. П. Непокупный (Киев) по поводу столетия со дня рождения К. Станга говорил о его работах по западнорусскому языку. Он указал на то, что как его теоретические выводы, так и собранный им языковой материал могли бы иметь существенное значение для исследования истории украинского языка. Несмотря на это, результаты исследований норвежского ученого как раз в украинском языкознании почти не учитываются. Поэтому он подчеркнул необходимость нового прочтения известной монографии Станга «*Die westrussische Kanzleisprache des Großfürstentums Litauen*» (1935). История украинского языка стояла в центре внимания многих участников конференции. Были дискутированы явления морфологии (*М. Кочиш*, Сегед) и лексики, особенно заимствованной (*А. Боруцкий*, Днепрпетровск), и другие вопросы украинского литературного языка (*Л. Секе*, Сегед; *Галина П. Стрельчук*, Киев; *Галина П. Мацюк*, Львов; *С. Вакуленко*, Харьков; *Х. Бидер*, Зальцбург; *Г. Чуба*, Катовице–Львов).

В докладе *С. Ю. Темчина* (Вильнюс) о структурных особенностях литургических книг были представлены новые факты о балканском влиянии на церковнославянскую письменность Великого княжества Литовского и Польского Королевства.

Г. Цыхун (Минск) на примере белорусск. *зборькі-цымборькі* (по его выводам, возможно, от венг. *cimbor*) продемонстрировал возможные пути миграции слов между центрально-европейскими языками. В сообщении *А. Золтана* (Будапешт) были представлены новые факты для истории белорусского языка на основе сопоставления польского и старобелорусского переводов латиноязычного сочинения *Athila* венгерского гуманиста М. Олаха (XVI в.).

Мариола Якубович (Краков) в своем выступлении сопоставила развитие семантики некоторых старых заимствований в (частично и генетически) различных языках, а также в языке-источнике. Судьбой лексических заимствований относительно разных языков занимались также *И. Кошкин* (Рига), *Й. Айдукович* (Белград), *П. Патрович* (Будапешт), *Андреа Абони* (Ниредьхаза), и *Жужанна Радуй* (Будапешт). *М. Мозер* (Вена) говорил о польско-восточнославянских языковых контактах в области синтаксиса.

Также лексикой, однако, не литературных языков, а разных областей со смешанным населением и с переходными диалектами занимался ряд исследователей — *Людмила В. Корнюхина* (Москва), *Ирина В. Будько* (Минск), *Лилия Цитко* (Белосток), *Б. Островский* (Краков), *Казимера Пастусяк* (Варшава), *Божена Франковска-Козак* (Щецин), *Эва Голаховская* (Варшава) и *В. Б. Стареченок* (Минск). В сообщении *Ю. В. Откупицкова* (Санкт-Петербург) был проведен словообразовательный анализ балтийской гидронимии бассейна Оки. На основе представленных данных исследователь предложил продвинуть традиционную границу распространения балтийских гидронимов далеко на восток и юго-восток.

Фразеологией восточнославянских языков занимались *И. Пачаи* (Ниредьхаза), *Б. Татар* (Будапешт), *М. Аляхнович* и *Юлия Аляхнович* (Брест).

Выступивший также на пленарном заседании *П. У. Дини* (Пиза) познакомил слушателей с интересным и до сих пор мало изученным описанием языковой ситуации Великого княжества Литовского из XIV в., и характеристики литовских диалектов того времени.

В. Мякишев (Краков) анализировал функции и взаимоотношение разновидностей письменного языка этого государства. На основе ряда критериев он предложил четко разграничить понятия «руска мова» и «проста мова», которые большинством исследователей считаются взаимозаменяемыми. Интересные данные к этому же вопросу были представлены и в сообщении *А. Ф. Литвиной* (Москва), и *Виктории М. Ляшук* (Минск).

Выступление *Натальи Н. Запольской* (Москва) была посвящена изменению духовных постановок, определяющих методы и источники книжной sprawy в Юго-Западной Руси и в Московской Руси XVII в., суть которого сводится к переходу от духовного изоляционизма к духовному универсализму. Данное изменение совершилось в результате культурно-языкового реплицирования, порожденного контактами упомянутых территорий. В докладе *Анны Болек* (Краков) внимание было уделено как содержанию, так и стихотворной форме одного полемиического произведения князя И. А. Хворостынина (XVII в.). Подобные произведения подготавливали распространение европейских философских и литературных течений в Московском государстве. В области развития и миграции различных идей в сообщениях больше всего внимания было уделено религиозным дискуссиям и движениям в эпоху ВкЛ и позднее. Такие вопросы были предметом исследования *К. Карпини* (Флоренция) *Дороты Жилко* (Гданьск), *И. Д. Мольнара* (Дебрецен), *И. Удвари* (Ниредьхаза). *И. Феринц* (Сегед) рассматривал проблематику формирования теории «Москва — третий Рим» в связи со сведениями о литовских князьях.

Р. Радзик (Люблин) в своем выступлении сравнивал процессы постепенного связывания народного языка и национальной идентичности в истории народов Центральной и Восточной Европы в XIX–XX вв.

Кроме этих основных кругов вопросов, прозвучали сообщения из области истории, литературы и этнографии. Отметим доклады *Беаты Варга* (Сегед) о положении татар и казаков на службе польско-литовского государства, *Каталин Медвидь* (Ужгород) о князе Федоре Корятовиче, *Эстер Смолинки* (Будапешт) об образе венгров в современной белорусской литературе, *Мариш Вяч. Завяловой* (Москва) об образе змеи в литовской и белорусской заговорной картине мира, *Донаты Мутаите* (Вильнюс) о диалоге поэтов Т. Венцлова и И. Бродского.

К сожалению, здесь не было возможности остановиться отдельно на всех сообщениях, прозвучивших в тематических секциях конференции. Хочется обратить внимание читателя на сборник тезисов конференции с названием *Hungaro-Baltoslavica 2000* (Budapest, 2000)⁸. Предусмотрено также опубликование целых докладов в очередном томе журнала *Studia Russica*.

Аранка Лацхази

Eighth International Conference on Polonistics in Budapest

The Eight Conference on Hungarian Polonistics was held at Loránd Eötvös University in Budapest on November 9th and 10th of 1998. Results of Hungarian Polonistics as well as perspectives on Polish-Hungarian Contrastive Applications were the primary topics examined. Over 100 participants from Hungary and Poland took part, including philologists, teachers and translators, political scientists and historians. Collectively, 50 papers were presented. In attendance were several prominent professors from Hungarian universities, eminent philologists representing Poland from Adam Mickiewicz University, Poznań, as well as Warsaw University and Jagellonian University, Cracow.

The Vice-rector of Loránd Eötvös University, Professor Lajos IZSÁK and the Dean of the faculty of the Humanities, Professor Károly MANHERZ officially opened the conference. The opening ceremony included brief remarks by guests of honor: Mr. Grzegorz ŁUBCZYK, the distinguished Ambassador of the Polish Republic, Professor Franciszek ZIEJKA Vice-rector of the Jagellonian University, Professor István NYOMÁRKAY Director of the Institute for Baltic and Slavic Studies and Chairman of the Commission of Habilitation of the Faculty of the Humanities at Loránd Eötvös University. Professor Janusz BAŃCZEROWSKI, currently the Head of the Polish Department at Loránd Eötvös University, commemorated the 20th anniversary of the founding of the Polish Department at Loránd Eötvös University in Budapest with a speech. Staff members of the Polish Department were awarded certificates of recognition by the Ambassador of the Polish Republic, Mr. Gregorz ŁUBCZYK for the popularization of Polish culture on behalf of the Polish Research Committee.

The central themes of the conference were “Polish–Hungarian contrastive studies“ and “Mickiewicz’s life, reception and appreciation of his works“ most of the papers presented focused on contrastive or Mickiewicz-related issues. The speakers however, approached these subjects from a wide variety of angles. The following major areas of research received special attention:

1) *Mickiewicz’s reception and influence.* (E.g. Prof. Dr. Jacek ŁUKASIEWICZ, Poland, Mickiewicz of four generations. The means of Mickiewicz’s reception on Polish Poetry of the XX c.; Prof. Dr. Franciszek ZIEJKA, Poland, From the history of Mickiewicz’s cult in France; Dr. Károly KAPRONCZAY, Hungary, Mickiewicz and *Trybuna Ludów* about the Hungarian War of Independence of 1848–49 against Austria; Dr. Kazimierz WOLNY, Poland, On Mickiewicz’s traces in Lithuania; Prof. Dr. Józef BUBAK, Poland, Adam Mickiewicz’s literary anthroponymy and its influence on Polish Christian names.)

⁸ *Hungaro-Baltoslavica 2000, Abstracts — Тезисы.* Edited by Aranka Laczházi, Eszter Szmolinka and András Zoltán. — Редакторы А. Лацхази, Э. Смолинка, А. Золтан. Budapest: ELTE, 2000.

2) *Teaching of Polish as a foreign language.* (E.g. Prof. Dr. Halina ZGÓLKOWA, Poland, The latest tendencies in the development of the present-day Polish and its teaching as a foreign language.)

3) *Polish-Hungarian contrastive studies.* (E.g. Prof. Dr. Kálmán BOLLA and Dr. Éva FÖLDI, Hungary, Some of problems of palatalization in Polish in comparison with Russian and Hungarian; Dr. Gyula PACZOLAY, Hungary, European and non-European connections of some Hungarian and Polish proverbs; Dr. Imre PACSAY, Hungary, The translation-problems of cognate languages. [The Polish translations of some Russian works]; Ilona KOUTNY, Poland, The comparison of the Hungarian and Polish greetings and civilities from the viewpoints of the lexicographer.)

4) *History of language.* (E.g. Dr. Gergely BENEDEK, Hungary, The semantic connections between the Hungarian *kalapál*, the Polish *klepac*, *kłopot* and the Rumanian *clipi*, *clopot*; Daniel BINA, Hungary, Bohemisms in the earliest Polish literary texts; Dr. András ZOLTÁN, Hungary, Maciej Sryjkowski's case in conjunction with the St. Ursula-legend.)

5) *History* (E.g. Dr. István LAGZI, Hungary, The Polish question in the Hungarian press in the autumn of 1939; Dr. Mária PENTE-KELECSÉNYI, Hungary, Hungarian-Polish cultural relations between 1945 and 1948; Ádám SZESZTAY, Hungary, The protection of ethnic minorities in the new Polish constitution.)

The social events included a reception at the embassy of the Polish Republic, which took place in the evening of the first day of the meeting. The conference was officially closed by its initiator and organizer Prof. Dr. Janusz BAŃCZEROWSKI, who thanked the participants for presenting their papers and announced that the ninth conference in the future will follow. The material of the conference has been published.

Péter Pátrovics

Bericht über die internationale Konferenz „Aspekt in Germanischen und Slawischen Sprachen“

Vom 4. 10. bis 6. 10. 1999 fand in Danzig (Gdańsk) und Gdynia eine internationale Konferenz „Aspekt in germanischen und slawischen Sprachen“ statt. Es nahmen fast 30 Linguisten aus 4 europäischen Ländern teil, von denen in den Tagungen und Diskussionen alle aktiv mitwirkten. Es war wahrscheinlich nicht das letzte Mal, daß eine solche Konferenz in Danzig–Gdynia stattfand. Es sollte aber kein Zufall sein, daß Danzig, eine durch seine Schönheit weltberühmte Großstadt an der Mottlau zum Tagungsort gewählt wurde. Danzig ist nämlich nicht nur mit der polnischen, sondern auch mit der deutschen Kultur eng verbunden und steht im Schnittpunkt mehrerer Kulturen. Man kann also mit Fug und Recht behaupten, daß Deutsch in Danzig, wie auch im ganzen Polen, eine der wichtigsten Fremdsprachen ist.

Der Veranstalter dieser Konferenz war das Institut für Germanistik der Universität zu Gdańsk. Die Konferenz wurde durch die Stiftung für die deutsch-polnische Zusammenarbeit Warschau, die Johann-Gottfried-Herder-Stiftung und die Universität zu Gdańsk gefördert.

Das Generalthema der Konferenz: der Aspekt in slawischen Sprachen (vor allem im Polnischen) und seine Entsprechungen im Deutschen.

Die Konferenz wurde am ersten Vormittag eröffnet; die Eröffnungsreden hielten der Projektor für Forschung, Prof. Dr. Andrzej CEYNOWA, der Dekan der Philologisch-Historischen Fakultät, Prof. Dr. Jan ILUK, und der Leiter des Instituts für Germanistik, Prof. Dr. Marek JAROSZEWSKI.

Es wurden insgesamt 16 Vorträge gehalten: Dr. Mariola WIERZBICKA, Rzeszów (Polen), Das Problem der Telizität/Atelizität vs. Perfektivität/Imperfektivität in slawischen und germanischen Sprachen; Prof. Dr. Tomasz CZARNECKI, Gdańsk (Polen), Zum Begriff Aspektualität in der wissenschaftlichen Forschung; Prof. Dr. Heinz VATER, Köln (Deutschland), Das deutsche Perfekt – Tempus oder Aspekt oder beides?; Mag. Małgorzata GULAWSKA, Toruń (Polen), Aspektualität im Polnischen und Deutschen. Eine Textanalyse ...; Prof. Dr. Heinrich WEBER, Tübingen (Deutschland) Partizip I und Partizip II im Deutschen – eine Aspektopposition?; Mag. Péter PÁTROVICS, Budapest (Ungarn), Aspektualität–Kasus–Referentialität–Temporalität. Ihre Relation im Deutschen und in

den slawischen Sprachen; Prof. Dr. Christoph SCHATTE, Poznań (Polen), Sachverhaltstypologie im Verhältnis zu Aspekt und Aktionsarten; Prof. Dr. Andrzej BOGUSŁAWSKI, Warszawa (Polen), Aspekt und Negation im Russischen/Polnischen; Dr. Aleksandra CZECHOWSKA-BŁACHIEWICZ, Łódź (Polen), Zum Problem der Wiedergabe des Verbalaspekts in Aufforderungssätzen; Prof. Dr. Oleksij PROKOPCZUK, Słupsk (Polen), Temporal-aspektuale Bedeutungen als Mittel der narrativen Markierung; Dr. Klaudia PROKOPCZUK, Słupsk (Polen), Aspekt und Grounding in narrativen Texten mit Parenthesen; Prof. Dr. Wladimir KLIMONOW, Berlin (Deutschland), Zur Stellung der Aktionsarten innerhalb des russischen und deutschen Verbalsystems; Prof. Dr. Viktor MYRKIN, Arhangelsk (Rußland), Besonderheiten von Handlungsphasenbezeichnung im Russischen im Vergleich zum Deutschen; Dr. Jadwiga STAWNICKA, Katowice (Polen), Einige Bemerkungen zu Entsprechungen der russischen Aktionsarten im Deutschen; Prof. Dr. Waław COCKIEWICZ, Kraków (Polen), Zur exhaustiven Aktionsart im polnischen Aspektsystem, Prof. Dr. Andrzej KAŃNY, Gdańsk (Polen), Aktionsarten als periphere Aspektpaare im polnischen und deren Wiedergabe im Deutschen.

Wie den obigen Titeln zu entnehmen ist, boten die einzelnen Referate ein weites Spektrum an Problematik: von der rein theoriebezogenen bis zur praktischen Seite der Aspektfrage am Beispiel des Deutschen und der slawischen Sprachen.

Am ersten Tag der Konferenz fand ein feierliches Abendessen im Speisesaal des Hotels statt, das sich zu einem Forum der spontanen Diskussion entwickelte und damit den freien Meinungsaustausch zwischen den anwesenden Linguisten förderte. Am Nachmittag des zweiten Tages stand ein Besichtigungsgang in Danzig auf dem Programm und so konnten sich die Teilnehmer mit den Sehenswürdigkeiten der Altstadt bekannt machen.

Zum Schluß soll von dieser Stelle aus der Dank aller Teilnehmer an die Organisatoren, die unter Leitung von Prof. Andrzej KAŃNY sich die größte Mühe bei der Vorbereitung und Durchführung der Konferenz gaben, ausgesprochen werden. Besonderes Lob und Anerkennung gilt auch der Tagungssekretärin Frau Mag. Doris WILMA. Hilfsbereite Kolleginnen und Kollegen im Tagungsbüro erteilten unermüdlich Informationen und waren ständig zu Hilfe bereit. Auch den Moderatoren, die für die Hygiene der geistigen Arbeit der Teilnehmer sorgten, indem sie die vorgesehene Zeit einhielten, ist zu danken. All das trug dazu bei, daß man die sorgfältig vorbereitete Konferenz „Aspekt in germanischen und slawischen Sprachen“ als vorbildlich bezeichnen darf.

Péter Pátrovics